

Долгова Е. А. Изучение социальной проблематики в Лаборатории коллективной рефлексологии Института мозга и психической деятельности В. М. Бехтерева // Журнал социологии и соц. антропологии. 2016. Т. XIX. № 3 (86). С. 25–31.

Из отчета Научного отдела Наркомпроса за 1917–1919 гг. о задачах в области организации науки // Народ. просвещение. 1920. № 18–20. С. 97–99.

Малинов А. В. «Рассадник насущных знаний...»: деятельность А. С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук // Журнал социологии и соц. антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 17–28.

НИОР РГБ. Ф. 326 (Челпанов Георгий Иванович (1662–1936) (Научно-исследовательский отдел рукописи РГБ).

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва. (Стенографический отчет). Госиздат. М., 1920.

РГАЛИ. Ф. 1345 (Собрание рукописей писателей, ученых, общественных деятелей).

СПбФА РАН. Ф. 113 (Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич).

Устав Института по изучению мозга и психической деятельности // Вопр. изучения и воспитания личности. 1919. № 1. С. 160–168.

УДК 94(47).084.5:338.24.021.8

Е. Б. Беспятова

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920-е гг.): МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются критерии общеметодологической основы исследования теоретической проработки экономических реформ. В процессе исследования выявилось состоявшееся инновационное теоретическое обоснование возможности рационального развития экономики, сочетающей планомерное государственное регулирование и рыночную инициативу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инновационное развитие, НЭП, смешанная экономика, социалистическое строительство, экономическая наука.

В ситуации методологической ограниченности исторической науки, несмотря на множество применяемых приемов и методов, нет однозначного ответа на вопросы: было ли будущее у НЭПа и могла ли новая экономическая политика изменить социальный характер советского государства? Долгое время усилия исследователей были направлены главным

образом на описание и анализ практики НЭПа. Новаторство методологического подхода, выявляющего и обосновывающего каузальность обстоятельств уникальной истории НЭПа, должно включать исследование всех звеньев цепочки событий: «качество теоретической и идеологической проработки предполагаемых реформ; правовое, кадровое и финансовое обеспечение программы преобразований; определение соответствующих этапов, как обсуждения различных проектов и предложений, так и конкретных шагов и стадий реализации реформ» [Шелухаев, с. 52].

В соответствии с темой статьи остановимся на исследовании теоретической разработанности НЭПа, учитывая, что без этого «звена» концептуальное осмысление феномена первого десятилетия советской экономической политики невозможно. При этом следует признать, что проблема теоретического обоснования нэповских реформ является «слабым звеном» в методологической интенсификации, как выявления закономерностей социально-экономического развития России, так и определения исторической перспективы социалистической трансформации советского общества.

До недавнего времени полноценный анализ теоретико-практических разработок периода НЭПа был нереален. Не было объективных оценок необходимых первичных данных о событиях, происходящих в науке и «вокруг нее» (например, научного наследия советских экономистов). Такое положение дел способствовало распространению утверждения об отсутствии у экономической политики 1920-х гг. теоретического потенциала.

Также для большинства исследований научный анализ теоретических разработок, к сожалению, представлял задачу второстепенную. Одной из причин подобного невнимания являлось историографическое признание объективности отказа от нэповской экономики как экономики, не преодолевшей структурные и системные противоречия.

Вследствие этого в истории экономической мысли произошло то, что академик Л. И. Абалкин назвал «созданием пустыни» [Абалкин..., с. 16; Российская..., с. 95]. Из общественно-научной памяти произошло вымарывание десятилетия оригинального научного творчества. А «век высокой теории»¹ в России сменился утилитарно-прагматическим исследова-

---

¹ Метафора английского исследователя Дж. Шекли относится к периоду между двумя мировыми войнами XX века. Цит. по: Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки : учеб. пособие. М., 1995. С. 108.

тельским подходом, «подгоняющим» теорию под ожидаемый практический эффект и обслуживающим «квазисоциализм».

В современный период изучение научного наследия российских экономистов стало принципиальным фактором понимания причинно-следственной связи между инновационным потенциалом, интерпретируемым как инструментарий экономического роста, и политэкономическим выбором властей. Такое осмысление является важнейшим сегментом методологического подхода, вскрывающего причины отказа от «нэповской модели» социалистического строительства и превратности XX в. в историческом пути России. В широком контексте практические рекомендации по результатам исследования научно-теоретического обеспечения новой экономической политики имеют выход на современную экономическую политику.

Исследуемая нами проблема адекватности инновационного потенциала российских ученых-экономистов 1920-х гг. решения задачи вывода российской экономики из глубокого кризиса на «высокую» траекторию развития в обстановке международной «изоляции», экономических санкций и идеологического антагонизма сравнительно нова и почти не имеет разработанных подходов.

Целью данной статьи является определение критериев методологического подхода, способствующего прояснению ситуации об адекватности содержания инновационного потенциала решению нестандартных и уникальных задач, генерировавшихся «вызовом времени».

На сегодняшний день одним из основных принципов социокультурного подхода является принцип *homoactivus*, то есть признание преобразующего влияния на общество человека, обладающего свободной волей. В XX в. наиболее ярким представителем кластера «*homoactivus*» или социальным актором можно считать ученого-инноватора, обладающего генерирующим потенциалом в области фундаментальных и прикладных знаний.

В качестве исходной методологической базы для оценки научного потенциала экономических исследований целесообразно воспользоваться теорией инновационного развития Й. А. Шумпетера и его выводом о том, что промежуточным фактором в линейке «идея – инновационное развитие» является ученый-мыслитель, его идеи и разработанный им аналитический инструментарий [Шумпетер, с. 65–79].

Именно ученого-инноватора, а в широком смысле – ученого-мыслителя, участники международного исследовательского проекта «Культурные факторы модернизации» (2011) [Аузан, Келимбетов, с. 42–44] характери-

зовали важнейшим ресурсом для реализации модернизаторских задач. В процессе исследования поведения россиян в инновационном секторе на основе методологических принципов вскрытия социокультурных характеристик для анализа экономической ментальности (методика американского социолога Р. Инглхарта и нидерландского социолога Г. Хофстеде) был составлен обобщенный портрет современного российского инноватора. Использование нами в качестве методологического приема предлагаемого социологами алгоритма определения ученого-инноватора основано на наличии ряда общих обстоятельств настоящего периода и 1920-х гг. Эта общность обуславливается тем, что социально-экономическая ситуация России ориентировочно в 1920 г. и в 2011–2017 гг., на языке экономической науки, находилась и находится на понижательной стадии большого цикла Кондратьева в фазе депрессии [Кондратьев; Акаев, с. 89]. А депрессия и частично фаза оживления по установленному факту является «лучшим» периодом для запуска инновационного процесса, процесса диффузии инноваций и тесно коррелируется с повышательной стадией экономической динамики цикла Кондратьева².

В связи с этим важным методологическим элементом предстоящего исследования является *теория больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева*, интерпретируемая рядом крупнейших ученых-мыслителей в качестве первоосновы при формировании кластера инноваций, важнейших изобретений и новых теорий.

Таким образом, общеметодологической основой исследования могут послужить основные положения теории инноваций Й. Шумпетера, теория циклов в экономическом, социальном и культурном развитии Н. Д. Кондратьева и результаты исследований проекта «Культурные факторы модернизации». А разрабатываемый методологический подход будет заключаться в составлении матрицы, характеризующей потенциал ученого-инноватора в период понижательной и депрессионной стадии (экономического цикла Кондратьева). При помощи такой антропологической матрицы представляется возможным реконструировать портрет российского ученого-инноватора 1920-х гг. и проанализировать инновационный потенциал российских ученых-экономистов.

Для начала отметим выявленные исследователями проекта «Культурные факторы модернизации» ценностные характеристики россиян, способствующие инновационному прорыву страны и, как следствие,

---

² Эти явления были предсказаны Н. Д. Кондратьевым и установлены в результате исследований экономистов Г. Менеша (1979), М. Хироока (2006).

влияющие на повышательную динамику экономического роста: «восприятие профессии как призвания, а не как карьеры»; «фундаментальное образование»; «опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде»; «радикальный индивидуализм»; «короткий горизонт планирования» [Аузан, Келимбетов, с. 43].

Итак, специфической характеристикой и одновременно ресурсом инновационного развития является *«фундаментальное образование»*.

В 1920-х гг. многие российские экономисты имели не только фундаментальное образование, но и универсальную квалификацию, то есть по 2–3 образования: А. В. Чайнов, ученый-агроном, экономист, социолог; Н. Д. Кондратьев после окончания юридического факультета продолжил образование на кафедре политэкономии и статистики; А. А. Богданов, врач, экономист, философ, ученый-естествоиспытатель; В. А. Базаров, философ, экономист, историк, переводчик, окончил физико-математический факультет МГУ и философский факультет Берлинского университета; Г. А. Фельдман, экономист, математик, окончил два вуза в Германии и России; Г. Я. Сокольников, юрист, экономист, учился в России (МГУ) и Франции (Сорбонна); Л. Б. Кафенгауз, экономист, статистик; И. И. Рубин, юрист, экономист, историк экономической мысли; Н. П. Огановский, историк, экономист-аграрник, статистик; А. А. Рыбников, географ, экономист. В некоторых случаях отсутствие универсального образования в полной мере восполнялось самообразованием, проникновенной интуицией и талантом улавливать суть проблемы. Например, В. Г. Громан, экономист, статистик (окончил юридический факультет Московского университета), Е. А. Преображенский, экономист, социолог (учился на юридическом факультете Московского университета, но университет не окончил). А в ситуации «быстрого устаревания» прикладного знания, именно универсальная квалификация и совмещение естественно-научного и гуманитарного знаний позволяли решать системные задачи «с несколькими переменными». Таким образом, показатель *«фундаментальное образование», дополненный критерием “универсальная квалификация”* является фактическим ценностным ресурсом для оценки потенциала социально-экономических исследований 1920-х гг., позволяющих государству реализовать стратегию инновационного прорыва.

Дополняет этот показатель характеристика *«восприятие профессии как призвания, а не как карьеры»*. Антикризисные поиски 1920-х гг. вывели экономическую науку на передний план разработки экономической стратегии и одновременно политизировали экономическую мысль, предопределяя потерю учеными свободы творчества.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что применительно к эвристическим изысканиям экономистов показатель «*восприятие профессии как призвания...*», без преувеличения, адекватен подвижничеству.

Поистине трагичными в судьбах экономистов были 1930-е гг. Политический лейтмотив остракизма (вредители, враги народа, заговорщики, террористы) доминировал и в отношении троцкистов (Е. А. Преображенский), и в отношении бывших меньшевиков (В. Г. Громан, Л. Б. Кафенгауз, А. М. Гинзбург, И. И. Рубин), и в отношении так называемых неонародников (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев), и в отношении большевиков (Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников).

Однако, несмотря на сопричастность к терниям политической борьбы и преследования, желание работать большинством экономистов воспринималось как профессиональный долг. Гимном трагическому фатализму ученых 1920-х гг. звучат слова Е. А. Преображенского в тезисах «*Всем товарищам по оппозиции*», написанные в апреле 1929 г. Драматизм этого воззвания заключается в обреченном признании персональной ответственности за диссонанс между экономической целесообразностью, социально-экономической политикой и экономической теорией: «*Таковы все эти обстоятельства этого возвращения, и такова внутрипартийная ситуация, что в случае восстановления мы будем обязаны нести ответственность за то, против чего предупреждали, и подчиняться методам, на которые своего согласия не давали... если нас восстановят, мы, каждый из нас, получим обратно партбилеты, как будто согласимся на тяжкий крест*» [Дойчер, с. 82].

Таким образом, присутствующий у ученых-экономистов высокий уровень ценности самовыражения и самореализации соответствует выявленным необходимым модернизационным социокультурным критерием.

Важнейшим критерием инновационного потенциала ученых-экономистов, вытекающим из универсализма и высокой степени ценности самореализации, является «*опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде*». В свое время П. А. Столыпин, заметив, что «*в тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях*» [Шелохаев, с. 21], как бы предначертал важность сочетания в личности ученого стратегического мышления, творческого потенциала, гражданской мужественности и социальной ответственности. В нашем случае речь идет об экономистах, чей профессиональный прагматизм, верность принципам экономической целесообразности, особая харизма и высокая этическая позиция позволяли не бояться «*работы над ошибками*» и открыто

отказываться от догматичных взглядов. Это было время осознания противоречивых перспектив НЭПа и необходимости нового теоретического прочтения марксизма в условиях одновременного существования полуфеодалного сельского хозяйства, капиталистического товарного хозяйства, начальных форм социалистической экономики при общей культурной и технической отсталости.

Размышляя о хозяйственных и перспективных планах развития народного хозяйства, В. А. Базаров отмечал, что «удручающий момент нашего современного перспективного планирования» заключается в неопределенности самого задания, в недостаточной проясненности целевой установки плана. Чувство реальности и интуиция ученого придавали особый пафос его предупреждениям: «Можно идти самыми различными путями, но только один из них *оптимальный* (курсив в тексте – Е. Б.), т. е. приводящий... к наибольшему эффекту с наименьшими затратами. И если наш перспективный план, хотя бы на первых порах, существенно отклонится от этого оптимума, дело реконструкции народного хозяйства потерпит урон, который лишь очень нескоро может быть исправлен. Если мы в ближайшие годы будем строить не то, что нужно, не там, где нужно, и не в той последовательности, которая необходима для максимально быстрого развития производительных сил, то мы впредь до истечения амортизационных сроков, т. е. на 20 и более лет, свяжем, затормозим, исказим экономический рост страны этим нерациональным строительством. Мало того, этот непосредственный материальный ущерб неизбежно усугубится соответственной идеологической надстройкой: окостеневая на долгие годы, плановые ошибки строительства создадут уродливые навыки и организационные формы, неправильные приемы работы, которые в свою очередь заострятся в прочные непререкаемые традиции» [Базаров, с. 32].

Формирующийся общественный строй и эмпирический характер экономических реформ 1920-х гг. являлись питательной, но институционально не определенной средой, в которой экспериментировали не только ученые. Вызревали нетривиальные находки, казавшиеся абсурдными, идеи превращались в рациональные решения. Например, «парадокс Преображенского», или концепция А. В. Чаянова о совместимости социалистического строительства с сохранением трудового, но не капиталистического, крестьянского хозяйств, или гипотеза экономиста Юровского о товарном социализме.

В перечень ценностей, определяющих готовность общества к модернизации, включенный показатель «*радикальный индивидуализм*», в соответствии с *методологией Р. Инглхарта и Г. Хофстеда*, является важ-

нейшей неформальной ценностью, способствующей экономическому росту и развитию.

Однако ставшая общепринятой либеральная точка зрения, ставящая в прямую зависимость прогрессивное развитие общества и высокий уровень индивидуализации его членов, в наши дни уступает место другой точке зрения, связывающей усиливающийся индивидуализм со снижением чувства гражданской ответственности, дезинтеграции общественного порядка, появлением «интравертного» образа поведения и растущую непредвидимость поведения людей – “discretionary social behavior” (от лат. «в зависимости от собственного усмотрения») [Хабибулин, Дейнека], снижением роли социальных регуляторов и общественной деградацией [Латова].

Для российской политико-экономической мысли покаяние миссионера либерализма Дж. Сакса, сделанное в 2012 г. и свидетельствующее, по сути, об идеологическом поражении абсолютизации либеральных ценностей: «Американская экономика все больше служит лишь узкой части общества... Слишком многие в американской элите из числа сверх богатых и представителей высшего звена управления корпорациями и слишком многие из моих коллег по академическому сообществу отреклись от социальной ответственности. Эти люди гонятся за богатством и властью – до всего остального им нет дела», – не было откровением [Сакс, с. 13].

Во многом трансцендентальная российская экономическая традиция отличалась не прагматизмом, а тяготением к идеалам, стремлением к глобальному переустройству общества. В 1920-е гг. экстраполяция традиции российской политэкономической мысли, не сводившей эффективность к абсолютизации экономических количественных показателей, выразилась в анализе процесса трансформации сложившихся в России экономических институтов с учетом институциональных основ рынка и политических изменений. Феномен исследований российских экономистов 1920-х гг. заключался в стремлении не только описать и объяснить, как функционирует рыночное хозяйство, но и выработать механизм преодоления рыночной стихии, снижения социальных рисков и удовлетворения общественных и индивидуальных предпочтений. Можно сказать, что совокупной целью исследовательского поиска являлось построение социального государства.

Таким образом, при составлении антропологической матрицы российского ученого-инноватора 1920-х гг., проецирующей инновационный потенциал ученых-экономистов, надлежит заменить ценностный критерий «*радикальный индивидуализм*» на дихотомию «*индивидуализм/*

коллективизм». Научная значимость такой перемены подтверждается следующим. Во-первых, историко-экономической практикой XX – начала XXI в., предоставившей убедительные аргументы в пользу регулируемой, смешанной и социально ориентируемой экономики, гарантирующей результативность, устойчивость и справедливость. Во-вторых, осознанием современными учеными объективной реальности синтеза ценностей индивидуализма и коллективизма в общественном сознании и, как следствие, признание данной дихотомии важнейшим культурологическим индикатором [Латова]. В-третьих, результатом исследований современных российских социологов был установлен факт противоречивого сочетания в менталитете россиян ценностей коллективизма и индивидуализма [Там же]. В-четвертых. По мнению ведущих российских ученых (Л. Абалкин, Д. Сорокин), спецификой национальной школы экономической мысли в России всегда было особое внимание к социальной сфере экономической политики и «сознательное воздействие на экономические процессы в целях достижения социального благополучия всех членов общества» [Российская..., с. 4–72]. В-пятых, кризис экономической теории. Подвергая критике рациональность, максимизирующую индивидуальную полезность, представитель мейнстрима, лауреат нобелевской премии Дж. Акерлоф обратил внимание на то, что «многие профессионалы в области макроэкономики и финансов так далеко зашли в направлении “рациональных ожиданий и эффективных рынков”, что вообще не принимают в расчет важнейшие процессы, лежащие в основе экономических кризисов. Если экономические модели не будут включать в себя иррациональное начало, то мы рискует вообще не распознать реальный источник всех неприятностей» [Акерлоф, Шиллер, с. 201].

Далее критерий «*короткий горизонт планирования*», то есть отсутствие стратегического мышления и неумение поэтапно добиваться цели. На наш взгляд, данный культурологический индикатор в отношении ученых-экономистов 1920-х, утверждающий об отсутствии стратегического мышления и ориентации на решение исключительно тактических задач, не приемлем и требует более корректных формулировок.

В 1920-е гг. в советской России экономистами-инноваторами были сформированы основы теории стратегического планирования. Выдающиеся российские ученые Г. М. Кржижановский, В. И. Вернадский, Н. Д. Кондратьев, В. Г. Громан, П. И. Попов, Л. Литошенко, В. А. Базаров, А. М. Гинзбург стояли у истоков разработки принципов обеспечения пропорционального развития экономики на основе планомерного руководства хозяйственными системами. Задача развития научно-технической базы

экономики страны на базе электрификации была поставлена в 1920 г. первым в мире долгосрочным стратегическим планом – планом ГОЭЛРО. Разработка генерального плана развития народного хозяйства СССР на период 1928–1940 гг. проводилась на базе новаторского применения балансового метода централизованного планирования (В. Г. Громан, В. А. Базаров, П. С. Осадчий). Актуальная на рубеже XX–XXI вв. методология стратегического планирования, оценки природы и результатов кластера базисных инноваций впервые была поставлена и во многом теоретически решена выдающимся экономистом XX в. директором Конъюнктурного института Народного комиссариата финансов Н. Д. Кондратьевым. Диапазон и научная глубина, опередившей время *теории предвидения и методологии перспективного планирования*, позволяют признать ее постиндустриальной научной парадигмой.

Корректировка ценностного критерия «короткий горизонт планирования» заключается в признании важнейшим критерием экономистов-инноваторов 1920-х гг. – *«стратегическое мышление»*. Соответственно, как и в предыдущем случае, моделируя образ российского инноватора 1920-х гг., следует заменить критерий *«короткий горизонт планирования»* на *«стратегическое мышление»*, что, на наш взгляд, является объективным и справедливым.

Таким образом, антропологическая матрица свидетельствует о характерных признаках инновационного потенциала в оригинальных разработках экономистов 1920-х гг., сочетающих практический анализ с разработкой концепций долгосрочной стратегии.

Итак, социокультурный подход, представляющий комплекс методологических элементов, допускает утвердительный ответ на вопрос об адекватности содержания потенциала социально-экономических инновационных разработок решению нестандартных и уникальных задач, поставленных практикой социально-экономического развития России. Очевидно также, что требуются дополнительные исследования в направлении анализа адаптации научных идей к разнообразным структурным, институциональным, национальным и иным формам.

Абалкин Л. И. В поисках новой парадигмы социально-экономического развития // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М., 2001. С. 16–35.

Акаев А. А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М., 2015.

Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М., 2010.

Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации // *Вопр. экономики.* 2012. № 5. С. 38–44.

Базаров В. А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // *Эконом. обозрение.* 1927. № 5. С. 31–53.

Дойчер И. Троицкий. Изгнанный пророк. 1929–1940 гг. М., 2006.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // *Избр. труды.* М., 2015.

Латова Н. В. Эволюция теорий индивидуализма // *Онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://encyclopaedia.bigru.ru/enc/liberal_arts/INDIVIDUALISM.html.* (дата обращения: 11.10.2016).

Латова Н. В. Этнометрический анализ российской экономической ментальности по методике Г. Хофстеда // *Институт социологии РАН. Архивный банк социологических данных [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210259849.pdf.* (дата обращения: 11.10.2016).

Российская экономическая школа в контексте мировой экономической мысли // *Вопр. экономики.* 2001 г. № 2. С. 4–72.

Сакс Дж. Цена цивилизации. М., 2012.

Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации // *Рос. история.* 2012. № 2. С. 18–36.

Хабибулин Р. К., Дейнека О. С. Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // *Современные проблемы науки и образования (научный журнал) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17300>* (дата обращения: 11.10.2016).

Шелохаев В. В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // *Россия в XX веке: Реформы и революции : в 2 т. Т. 1.* М., 2002.

Шумпетер Й. История экономического анализа // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. Т. IV. Век глобальных трансформаций / отв. ред. Ю. Я. Ольсевич.* М., 2004.